

[главная страница](#) / [библиотека](#) / [обновления библиотеки](#)

М.Б. Щукин

Об «узких» и «широких» датировках.

// Проблемы археологии. II. Л.: 1978. С. 28-33.

В истории дата — некая более или менее определённая точка: год, иногда месяц или день. А в археологии дата — это всегда интервал времени, внутри которого размещаются с некой вероятностью исследуемые события и процессы. Датой гибели городища мы называем II в., а в действительности это было делом дней или месяцев. Датируем погребение II-III вв. н.э., а ведь оно было совершено в какой-то один из дней в диапазоне этих двух веков. Равна ли вероятность интересующего нас события на любом отрезке этого диапазона?

Всякое исследование должно начинаться с отделения установленного достаточно точно и надёжно от менее достоверного, сомнительного или предположительного. Поэтому и в определении археологических дат существенно выделить тот диапазон, в котором исследуемое событие произошло с наибольшей вероятностью. Только в этом случае появится возможность сопоставлять археологические данные с историческими событиями. (28/29)

Чем надёжнее нам удастся установить даты ряда закрытых комплексов одного памятника, тем надёжнее мы определим и время его существования. С уверенностью мы не можем сказать о его датировке ничего сверх того, что сводится к сумме дат закрытых комплексов. Поскольку могильники обычно содержат большее число закрытых комплексов, чем поселения, то период функционирования могильника определяется точнее, чем время жизни на поселении, если только это не город или военный лагерь, время существования которого определено эпиграфическими и нумизматическими данными или письменными источниками. Наконец, суммой дат функционирования могильников и жизни поселений определяются хронологические рамки культур. Это единственный путь, если мы хотим оперировать в наших построениях достаточно надёжными данными.

В определении же даты сложения закрытого комплекса таится двоякая возможность. Возьмём для примера погребение 87 могильника черняховской культуры в Маслове. Из вещей, позволяющих делать заключения о хронологии, здесь найдены: подвязная фибула третьего варианта, по классификации А.К. Амброза, «воинская» фибула с трапециевидной ножкой, трёхпластинчатый гребень с выступом на спинке и калачиковидная пряжка (Петров, 1964, рис. 13, 1-8).

При распределении во времени вариантов подвязных фибул третьему варианту А.К. Амброз отводит середину и вторую половину IV в. (Амброз, 1966, с. 61, 64-66). Собранный им материал (162 находки) позволяет убедиться в его правоте. Дата двучленной «воинской» фибулы этого же погребения (IV в.) определяется постоянной взаимовстречаемостью с двучленными подвязными, двухпластинчатыми и Г-образными фибулами (Амброз, 1966, с. 70-71). Гребни с выступом на спинке характерны для второй половины IV — начала V в., но доживают и до конца V в. (Thomas, 1960, S. 112).

Работы, специально посвящённой пряжкам, пока нет, а в Центральной Европе такие пряжки и не встречаются ранее периода «D» и характерны именно для него. В абсолютных датах, по К. Годлевскому, этот период длится приблизительно от 350 до 450 гг. (Godłowski, 1970, с. 109-111, табл. IV, 3, 7; IX, 14).

Когда же было совершено рассматриваемое погребение? При условии, что все датировки вещей, составляющих этот комплекс, определены верно, мы не ошибёмся, назвав дату IV-V вв. н.э. Захоронение было действительно произведено в один из дней на протяжении этих двух веков.

Но, устранив такой «перестраховкой» риск ошибки, мы уменьшаем достижимую точность датировки. При имеющихся данных мы вправе сузить датировку, поместив комплекс в том интервале времени, когда все составляющие комплекса сосуществовали, т.е. между (29/30)

началом бытования самых поздних вещей и концом бытования самых ранних. В нашем примере это вторая половина IV в. Интервал, в котором произошло событие, сузился до 50 лет вместо 200 (рис. 1).

Таким образом, для каждого комплекса мы всегда имеем две даты — «широкую», установленную как бы по внешним рамкам, считая от времени появления самых ранних вещей комплекса до исчезновения самых поздних, и «узкую», как бы внутреннюю, определяемую по времени сосуществования всех вещей комплекса.

Встречаются иногда комплексы, где только использование «узких» датировок позволяет внести ясность. Например, в погребении 1 могильника в Калантаево найдено зеркало, датированное, по данным А.М. Хазанова,

I в. до н.э. — I в. н.э., и краснолаковая чашечка, появление которой Т.Н. Книпович относит к концу I в. н.э. А существовали они вплоть до середины III в. н.э. Погребение по «широкой» датировке пришлось бы датировать в интервале около четырёх веков, в то время как «узкая» указывает на конец I в. н. э. (Щукин, 1972, с. 44-46).

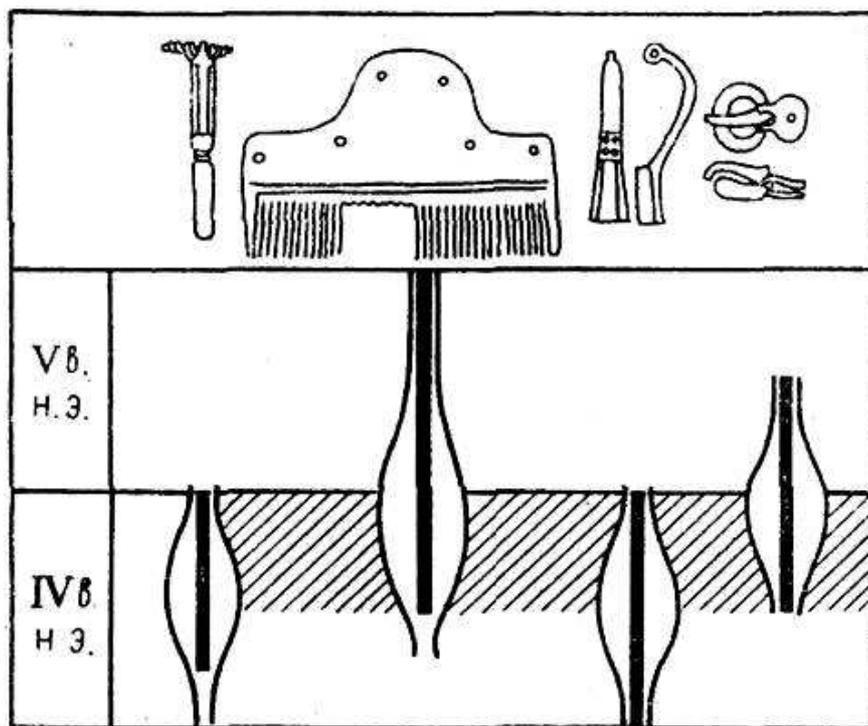

Рис. 1. Погр. 87 в Маслово. Графики распространения вещей во времени.
(Открыть Рис. 1 в новом окне)

(30/31)

Сама по себе операция определения «узкой» даты наложением хронологических диапазонов проста, а предпочтительность «узкого» интервала другим интервалам в рамках «широкой» даты очевидна.

Дело, однако, осложняется тем, что рамки сопоставляемых хронологических диапазонов не всегда достаточно ясны. Границы хронологических диапазонов могут быть определены лишь со статистической вероятностью на основе накопившегося количества находок (Фёдоров-Давыдов, 1965, с. 55-56). Кроме того, на протяжении бытования того или иного типа вещей частота их встречаемости в комплексах не одинакова. Каждый тип имеет период появления, период наибольшего распространения и период выклинивания, постепенного исчезновения, если, конечно, его развитие протекало нормально. Вероятность попадания в комплекс вещей периода наибольшего их распространения превосходит вероятность находки такой же вещи периода их появления или исчезновения.

Рассмотрим это тоже на примере. В погребении 3 могилы 51 могильника Золотой Балки найдены два предмета, позволяющие делать заключения о хронологии: лучковая фибула первой серии, по классификации Амброза, и длинный железный меч (Вязьмитина, 1972, с. 51-52). По данным Амброза, такие фибулы один раз встречались в комплексе I в. до н.э., один раз — в комплексе I в. до н.э. — I в. н.э., три раза — в комплексах I в. н.э. — начала II в. н.э., два раза — в комплексах I-II вв. н.э., семь раз — в комплексах I в. н.э. и один раз — в комплексе первой половины I в. н.э. (Амброз, 1966, с. 48-49). График распределения этих фибул во времени будет близок, очевидно, кривой нормального распределения. Аналогичную картину мы можем получить при рассмотрении датированных монетами комплексов с длинными мечами. С монетой I в. до н.э. такой меч встречен один раз, с монетами I в. н.э. — восемь раз, с монетами II в. — пятнадцать раз и с монетами III в. — шесть раз (Сокольский, 1954, с. 154-196). На этот раз распределение опять близко к нормальному, но с пиком уже на II в. По сути дела при исчислении «узкой» даты комплекса мы должны оперировать сложением, усреднением именно таких кривых (рис. 2). В нашем примере вероятность сложения комплекса будет выражена кривой, заключённой в диапазоне от I в. до н.э. до II в. н.э., но с пиком в конце I в. н.э. — начале II в. н.э.

Теперь становится понятна форма (рис. 1), в которой автор попытался выразить данные о распределении рассматриваемых типов вещей во времени в соответствии с указаниями, имеющимися в работах, посвящённых этим категориям материала. В результате более пристального рассмотрения задача исчисления вероятности того, что комплекс придётся на какой-то узкий отрезок времени, становится более сложной и

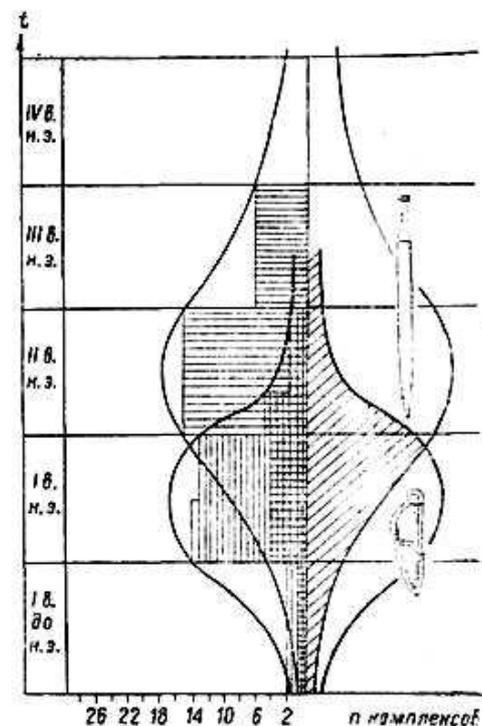

Рис. 2. Погр. 3 могилы 51 в Золотой Балке. Графики распространения вещей во времени и определение даты погребения.
(Открыть Рис. 2 в новом окне)

требует уже выработки специального математического аппарата.
(31/32)

Однако использование «узких» дат уже и в том упрощённом виде, который был здесь продемонстрирован на примере погребения из Масловы, даёт определённые преимущества и позволяет подойти к сопоставлению дат археологических и исторических.

Историческая действительность в археологических материалах в большинстве случаев отражается с той или иной степенью аберрации, пользуемся ли мы «широкими» датами или «узкими». Но «узкие» даты имеют то преимущество, что получаемые в данном случае искажения легче поддаются учёту. При использовании «широких» дат реконструируемая нами историческая действительность заливается как бы тусклым рассеянным светом, грани между явлениями стираются. Памятники или культуры, полностью или частично одновременные, могут показаться синхронными. При «узких» датировках имеется тенденция к уплотнению, сжатию явлений — результат усреднения. Узкий яркий пучок света как бы вырывает основное, наиболее выдающееся, все грани становятся резкими. Между памятниками и культурами, смыкавшимися друг с другом во времени, могут получиться разрывы. Однако здесь и есть некоторое преимущество. Эти вырисовывающиеся разрывы, возможно, имеют исторический смысл. Они могут фиксировать периоды неустойчивости, трансформации, гибели старого и зарождения нового. Автору настоящих строк, в частности, использование «узких» датировок помогло наметить период формирования черняховской культуры (Щукин, 1967; 1970; 1971).

Литература. [^]

- Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР. — САИ, вып. Д1-30.
Вязьмитина М.И. 1972. Золотобалковский могильник. Киев. 190 с.
Петров В.П. 1964. Маслово-Товмачский могильник на р. Товмач. — МИА, №116, с. 118-167.
Соколовский И.И. 1954. Боспорские мечи. — МИА, № 33, с. 123-196.
Фёдоров-Давыдов Г.А. 1965. О датировке типов вещей по погребальным комплексам. — СА, №3, с. 50-65.
Щукин М.Б. 1967. О трёх датировках черняховской культуры. — КСИИ, вып. 112, с. 8-13.
Щукин М.Б. К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья. — КСИИ, вып. 121, с. 104-113.
Щукин М.Б. 1971. «Европейская Сарматия» и черняховская культура (хронологические соотношения). Автореф. канд. дис. Л. 16 с.
Щукин М.Б. 1972. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. — АСГЭ, вып. 14, с. 43-52.
Godłowski K. 1970. The chronology of the Late Roman and Early Greek migration periods in Central Europe. Kraków. 126 p.
Thomas S. 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit. — «Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege», Bd. 8. Leipzig, S. 54-215.

[наверх](#)

[главная страница](#) / [библиотека](#) / [обновления библиотеки](#)